Есть такие дни в жизни, не так ли?

Дни, когда ты чувствуешь себя очень больным без всякой причины.

Казалось бы, просто лёгкий грипп, внезапно заканчивающийся тем, что голова нагревается, как будто поджаривается, и тело становится совершенно обессиленным, не будучи в состоянии ничего сделать.

Не сделав ничего особенного накануне – не оказавшись на сквозняке, не встретив никого с гриппом, и всё же став больным – это такие несчастливые дни.

У меня это однажды уже было. Во время третьего курса средней школы, прямо перед поступлением в старшую школу.

Возможно, это было связано с тем, что день до поступления был глубже запечатлён в памяти.

– Айгу... а на кого похож этот парень, если его тело такое слабое? В любом случае, Юнчэ, я оставлю лекарство здесь, так что ты должен принимать его регулярно, хорошо? Маме надо идти на работу. Позвони мне, если станет ещё хуже!

Тепло, ласкающее мою голову, исчезло, и голос стал мягче.

"Что...?" – я никак не мог взять в толк, в чём дело.

Пытаясь собрать воедино обрывки мыслей, я провалилась в сон, не в силах бороться с тяготеющими надо мной слабостью и дремотой.

* * *

Мне пришлось снова и снова проваливаться в сон и просыпать из-за кипящей жары и ноющего тела.

Бессмысленно текучие сны сливались здесь и там, а прошлое вновь появлялось как иллюзия.

Молодой внешний вид матери, поющей в составе хора. "Я", который вырос, наблюдая за этим "я", который напевал с детства, и "я", который готовился к вступительному тесту. Семья, довольная тем, что я сдаю тест, служащая магазина готовит форму. Друзья смотрят вниз, сердитые выражения учителей... и... постаревшие лица моих родителей.

Словно пузыри, болезненные школьные дни всплыли на поверхность и заполнили мой мозг.

Высшая школа исполнительских искусств.

Меня приняли в эту школу, где по счастливой случайности собирались лучшие вундеркинды области искусств.

Так как я, не имевший никаких спецификаций или чего-то иного, поступил на мужской оперный факультет, который имел только семь студентов. Это было то, что имело полное право называться большой удачей.

В тот год, когда я подавал заявку, было странное отсутствие заявок для продвинутого оперного сектора, и поскольку школа должна была выбрать, по крайней мере, определённое количество студентов, им, должно быть, пришлось снизить требования.

И наконец, мои навыки были продемонстрированы средь бела дня, в окружении снисходительных глаз.

Мне они были безразличны.

Потому что я действительно любил музыку.

Когда я резко проснулся, то обнаружил, что лежу на кровати.

Медленно повернув голову, я увидела колышущиеся занавески рядом с окнами, сквозь которые был виден слабый пейзаж – пейзаж, открывающийся из окон старой квартиры. Лунный свет проникал сквозь занавески, проливая тусклое серебро на мебель в комнате.

Подняв руку, я приложил ладонь ко лбу и понял, что лихорадка значительно спала.

– …

Я изо всех сил пытался приподнять верхнюю часть своего тела, и комната вошла в поле моего зрения. Одежда валялась по комнате, которая казалась такой непривычной.

"Нет, такое чувство, что я уже где-то его видел?"

Нахмурившись, я немного подумал, прежде чем решил поискать в кровати свой телефон.

А вот и он. Сплошной прямоугольник.

После того, как я каким-то образом нашёл телефон, я поднял его, и тогда понял, что что-то было не так. Дрожащими руками перевернув телефон, я сумел разглядеть резной логотип,

который отразил лунный свет.

Galaxy S7.

– …

Здесь было слишком много проблем.

Во-первых… телефон был очень тяжёлым. Эту тяжесть нельзя было объяснить только слабостью моего тела. И, о чудо, на нижней стороне были кнопки – нажимные кнопки, эти механические!

Кроме того, даже после того, как он приблизился к моему лицу, не было никаких признаков голограмм, выходящих из него, и телефон был слишком трудно уместить на ладони.

Это телефон двадцатилетней давности или что-то в этом роде?

"Подождите-ка, двадцать лет?"

Внезапно осознав это, я открыл дверь комнаты и, пошатываясь, направилась к туалету. Дом был незнакомой постройки, но мои ноги сами несли меня вперёд.

Туалет… наверное, в этом направлении.

И когда я добрался до передней части зеркала…

… В нём отразилась молодая версия меня – примерно на двадцать лет моложе.

Это было нелегко понять, но и не сказать, что очень трудно сделать. После борьбы и включения удивительно старомодного телефона, я проверил календарь и несколько новостей, чтобы прийти к абсолютно логичному выводу.

Я вернулся в прошлое. А если быть точным, на двадцать лет назад, в весну две тысячи двадцатого года, прямо перед поступлением в Высшую школу исполнительских искусств.

Почему? По какой причине?

Нет, вместо этих незначительных проблем было кое-что более важное.

Закрыв рот и глядя вперёд, я увидел зеркало, которое отражало молодого человека – молодого

человека с короткими волосами, среднего роста, длинной шеей и слабым телом.

Хмм… неважно, как я это видел, но этого было недостаточно, чтобы стать настоящим шоком.

После тщательного изучения моего тела, как проверка надлежащего инструмента, я медленно открыл рот. Сквозь белые зубы и красную полость рта виднелись язычок и мягкое нёбо над ним.

Язычок слегка завибрировал, когда я издала тихий звук.

– А-а-а-а-а…

По привычке я начал распеваться.

От С3 до С4.

До, ре, ми, фа, соль, ля, си, до.

Когда я мягко поднял модуляцию, она как-то пошла вверх, хотя и еле-еле. Давайте попробуем немного выше.

– Ах…

Ре, ми!

Шаг, который едва достигал Е второй октавы, был разорван на части, как будто был раздавлен, когда он приблизился к F.

Перерыв на вдох. Совсем не в тонусе.

Моё лицо, естественно, сморщилось.

Я, который работал в течение двадцати лет в качестве оперного певца, был раздавлен на простом F4 (1). Лёгкий тон даже для любителей, которые гордились и называли себя экспертами караоке, – это F4. Только тогда я по-настоящему осознал, что вернулся в прошлое.

После этого я тщательно контролировал голосовые мышцы, хмурясь перед зеркалом, но результаты остались такими же.

Опускаем гортань и яростно смыкаем голосовые связки, поднимая нёбо и заставляя диафрагму

увеличивать давление.

Это тело, которое никогда ничему не училось, не могло следовать даже одному данному приказу. После небольшого опускания гортань отскакивала назад, было трудно держать голосовые связки закрытыми, и подъём нёба казался незнакомым.

Фундаментальных основ там не было, и поэтому, очевидно, голос не мог даже сделать правильный шаг.

Нет, если бы дело было только в простом шаге, это было бы ещё полбеды. Даже дыхание, которое я тренировал, полностью исчезло, как будто это была иллюзия.

Великолепный звон снизился до свистящего воздушного шара, а умение удерживать ноту в течение тридцати секунд не могло иметь ничего общего с возможностью удержания ноты в течение десяти секунд.

После того, как я прекратил настраиваться, я посмотрел в зеркало и сумел увидеть, как моё младшее "я" хмурится в ответ.

"Действительно ничего не стоит".

Через некоторое время после этой яростной схватки мои губы приподнялись и улыбнулись.

Но это не имело значения.

Потому что даже в этом случае я всё ещё мог петь.

Тогда что же мне петь? Вскоре внутри появилась мелодия и застряла там – яркая и волнующая мелодия. Если бы человек не пел после этих мыслей, он не был бы оперным певцом.

После хихиканья и неоднократного открывания рта, знакомые слова мягко потекли наружу.

– Che bel-la cosa, e’na jurnata ‘e sole… (2)

[Как прекрасен солнечный день!]

Я что-то промычал себе под нос и начал с самого начала. Радостный Неаполь, народная песня региона Южной Италии – так известная, O sole mio. Далёкий лунный свет, старый туалет, угрюмая лампа – легко забыв обо всём этом, я думал только о ярком, жгучем солнце.

Простой и в то же время определённый указатель, висящий на небе; единственный свет,

направляющий меня вперёд.

Песня.

Когда я представил себе, что иду прямо за ним, к этому звуку добавился приличный цвет.

– N’aria Serena Doppo’na Tempesta

[Воздух безмятежен после бури…]

До сих пор всё было просто. Каким бы необученным прошлый "я" ни был, это было просто.

Что касается ростков фасоли, то есть, нот, то они оставались внутри строфы, любой мог спеть их.

Однако проблема заключалась в дыхании.

Сделайте упор на нужные части, выдыхая воздух, чтобы добавить звона. Иногда следовало взять больше дыхания, иногда вдох должен быть покороче. Сохранение дыхания для поддержания легато было важно в опере.

Как при использовании печи у кузнеца, точное количество необходимого воздуха должно было быть рассчитано и перенесено через голосовые связки. Этого было достаточно, чтобы добавить богатый звон к несчастной музыке.

Конечно, нетренированному телу было слишком тяжело с этим справиться.

Просто мне не хватало дыхания. В конце концов, управление дыханием должно было поддерживаться физическим телом. Мышцы, тянущие и стабилизирующие диафрагму, а также мышцы для поддержания постоянного дыхания – всего этого не хватало.

Но сейчас это всё было не так важно.

Когда мне не хватало дыхания, я прекращал петь и делал большие вдохи. Если бы я сделал подобное во время пения в хоре, я был бы похоронен в оскорблениях, но сейчас мне было всё равно.

Я был один.

---

1. Охохо… Я, конечно, не знаю оперную систематику, но вообще-то F4 – это обозначение ноты фа первой октавы, а он говорит, что начал движение на вторую октаву, но тогда получается уже F5. Возможно, в опере (или Корее) другие обозначения, я не поручусь. Чтобы не возникало путаницы, предупреждаю, что я следую чётко за анлейтом, и если он (или автор) ошиблись, то, извините, я повторю их ошибки. Возможно, дальше будет понятнее, почему идёт разница в октаву, или какое-то объяснение условного обозначения, но пока всё останется так, как есть.

2. Знаменитая песня, которой не отдать уважение просто грешно:

https://www.youtube.com/watch?v=d_mLFHLSULw

http://tl.rulate.ru/book/39225/851772